

ПОМОЩЬ

Рассказ

Усть-Камень — маленький рыбачий поселок. Несколько бревенчатых домиков на пологом берегу широкой, словно разлившейся в половодье реки. За домами — островерхие ненецкие чумы. Около чумов нарты в оленьих упряжках. В каждой по шесть оленей веером. Дальше тундра —

зеленый обманчивый ковер. Если ступишь — хлюпает вода.

Прежде по тундре ездили только на нартах. Зимой в упряжке четыре оленя — по снегу ехать легче, так объяснил мне мой попутчик, с которым мы прилетели сюда на сухопутном самолете.

Когда мы приземлились, он пошел за новостями к начальнику аэропорта. Летающая лодка, возвращаясь с ледовой разведки, должна была зайти в Усть-Камень и захватить нас на остров Дикий.

Издалека донесся шум мотора.

Через тундру шел крытый вездеход. Он медленно взбирался на пологий холм, потом опустился в низину. Вездеход был похож на крохотный катерок, плывущий в мертвую зыбь по зеленому морю. Вот он снова появился на гребне.

Машина приблизилась к оленьим упряжкам. Теперь было видно, как врезались колеса в сочный травянистый покров. Гусеницы оставляли за собой широкий мокрый след.

Олени к урчащему чудищу относились спокойно: как видно, привыкли.

Около крайнего домика вездеход остановился.

Первым сошел юноша и куда-то скрылся. У машины, подняв капот и то и дело заглядывая в мотор, возился плотный мужчина в комбинезоне и мятой кожаной фуражке. Он что-то мурлыкал себе в усы.

— Кузьма Андреевич! Поезжайте заправиться в аэропорт, потом вернетесь за мной сюда! — неожиданно услышал я знакомый женский голос.

На крыльце рыбацкого домика стояла женщина. Даже в ватной куртке и штанах она была стройной. Я сразу узнал ее.

Вспомнился фронт и группа военных топографов, повстречавшаяся мне близ Петсамо.

Галина Николаевна тоже узнала меня:

— Вы?! Откуда? Куда?

— Что здесь делает топограф? — спрашивал я, пожимая протянутую руку и вглядываясь в красивое лицо с мягко очерченным подбородком и строгими серыми глазами, под которыми появились морщинки.

— Теперь я геолог, — отвечала Галина Николаевна.

— А где муж?

— Убит... там же... вскоре после вашего отъезда, — сказала Галя и отвернулась.

Механик с грохотом закрыл капот. Он смотрел на меня укоризненно.

— Куда же вы? — уже спокойно спросила Галя, снова поворачиваясь ко мне.

Я рассказал, что лечу на остров Дикий, чтобы сесть там на корабль, который доставит меня на «Георгия Седова».

— Я буду на «Седове» до конца навигации, побываю на многих островах, даже самых северных.

Галя оживилась.

— Какая удачная встреча! Непременно передайте привет одному радисту — Ване. Он раньше работал со мной в тундре. Потом решил уйти на острова. На самые северные...

Мы сидели с Галей на косых деревянных ступеньках и смотрели на разгорающуюся оранжевую зарю.

Я расспрашивал и слушал Галю, поглядывая на ее тонкий профиль, ватник, резиновые сапоги.

Она рассказала мне о своем первом самостоятельном рейсе в качестве начальника геологоразведочной группы.

Вездеход шел через тундру. Далеко впереди, справа от машины, бежала длинная тень от крытого кузова. Обгоняя вездеход, она заползала на пологую гряду и, переваливая через нее, растворялась в темном пятне за бугром.

Галя сидела рядом с водителем-механиком Добровым.

Добров не скрывал своих мыслей: «Отдали под начальство!.. Дожил, доработался, заслужил механик, товарищ Добров!.. Теперь тебя будут учить, как ездить по тундре!.. А потом и горшки в печь будешь ставить...»

Галина Николаевна действительно объявила, что готовить обед будут все по очереди. Пришлось готовить и Доброву. Выполнял приказание он молча, ни на кого не глядя, словно ему было совестно.

Усевшись в кабине, Галя сказала механику:

— Я буду, Кузьма Андреевич, давать вам только общее направление по компасу, а как проехать по тундре, вы лучше меня знаете.

Добров тогда бросил на начальника быстрый взгляд. Шли против солнца, и приходилось щуриться.

«Вот оно как! Значит, все-таки понимают, что такое водитель-механик!»

Третьим членом группы был Ваня-радист. Для него-то, как и для Гали, этот рейс тоже был первым серьезным испытанием. В отличие от Доброва Ваня сразу же признал начальство. Пожалуй, даже отнесся к нему слишком внимательно. Невысокий, с веснушчатым лицом, с едва пробивающимся пушком на подбородке, он старался окружить Галину

Николаевну заботой, предложил даже готовить вместо нее и искренне обиделся, когда Галя не захотела об этом и слышать.

Все же ей не удалось избежать его мелких услуг. Ваня открывал банки консервов, прежде чем Галя успевала об этом подумать. Ее спальный мешок оказывался развернутым раньше, чем они останавливались на привал.

Однажды Ваня прочел Галине Николаевне стихи о богине Диане. Диана, обгоняя оленей, носилась по тундре в поисках чудесных кладов, которые она видела на сотни метров под землей.

Галя спросила Ваню, видел ли он когда-нибудь статую богини Дианы. Тот признался, что нет. Потом Галя сказала Ване, что у нее был сын, который мог бы быть почти ровесником Вани. На самом деле у Галины Николаевны детей никогда не было, и уж, во всяком случае, не могло быть взрослого сына.

Эти слова произвели на Ваню огромное впечатление, тем более что были сказаны в тот день, когда рация группы выбыла из строя.

Забыв обо всем на свете, Ваня тщетно пытался наладить аппаратуру: что-то разбирал и собирал, перепаявая провода, вертел ручки...

Механик Добров ворчал:

— В Арктике каждый должен уметь при случае заменить другого. А у нас что? Только стряпать и можем по очереди.

— Это верно, — глядя прямо в глаза Доброву, сказала Галя. — Вы непременно должны научить меня водить машину, я вас буду учить геологии. А радиотехнике будем учиться вместе.

Добров покрутил усы и ничего не ответил.

— Так что, Галина Николаевна, — сказал он на следующий день, — рация накрылась. Надо нам поворачивать домой.

Галя нахмурилась.

— Мы еще не выполнили задание. Вы говорите, нас потеряют на базе? Последние дни рация работала с перебоями. На базе поймут, что она вышла из строя, а мы продолжаем выполнять задание. Так и будет.

Добров пожал плечами. Но решение начальника ему понравилось.

Чувствуя себя неравноправным членом группы, Ваня был в таком отчаянии от своего бессилия, что Галя стала обращаться с ним ласковее. Поручала ему собирать образцы пород в тех местах, где они останавливались.

Уже два месяца колесила геологическая группа по тундре, лишь изредка встречая оленье стада и оленеводов, перекочевывавших ближе к морю, дальше от гнуса, летевшего из тайги.

Находки, сделанные группой в последние дни, требовали широкого фронта работ. Может быть, удастся начать работы еще до снега. Будь у нее радио, Галя вызвала бы усиленный отряд с нужным оборудованием; теперь приходилось самой спешить на базу.

Солнце низко висело над горизонтом. Длинная тень вездехода, забегая вперед, словно нащупывала дорогу.

Галя думала о маме, о Хибинах, о рыбацьем поселке, в котором родилась.

Говорят, когда на это место впервые пришли геологи, там не было ничего, кроме тундры и гор. А потом вырос замечательный город.

Геологи показались тогда Гале людьми, прокладывающими путь в «завтра». Она решила стать геологом. В войну пошла защищать родные места. Потом, уже геологом, пришла сюда, в северные пустыни, где тоже вырастут когда-нибудь города.

Было трудно... Хорошо, что выросла на Севере, хорошо, что мать воспитала в труде: это во многом помогло.

Кузов мерно раскачивался, наклоняясь на буграх. Галя то прижималась к дверце, то приваливалась к плечу Кузьмы Андреевича.

Он с заботой поглядывал на начальника. В уголках губ усталые складки. Что-то ей снится? Может быть, видит во сне асфальтовое шоссе, про которое недавно говорила Доброву, видит заводы и города, что вырастут здесь, подле их находок?

Как она обрадовалась, когда осмотрела последнюю вырытую ими яму!

Кузьма Андреевич прыгнул тогда к ней вниз. Галя рассказывала ему, он слушал, не все понимая... Эх, непременно будет он учиться на геолога! Сорок лет не так уж много. А то что он механик, так это только на пользу будет. В Арктике люди непременно должны друг друга заменять. Вот Ваня, он еще зеленый, а помочь сейчас некому...

Галя привалилась плечом к Кузьме Андреевичу. Машина накренилась влево. Добров быстро вывернул руль, перехватывая баранку. Но кузов кренился все больше, машина остановилась, забуксовала. Галя проснулась.

— Замечтался! — в сердцах воскликнул Кузьма Андреевич.

Ваня забарабанил в стенку кабины.

Галя распахнула дверцу и легко выпрыгнула на траву. Под ногами захлюпало.

Левое переднее колесо по самую ось ушло в топь.

Галя забежала за кузов, столкнулась с Ваней. Он стоял над левой гусеницей, почти по колено в воде.

— Не газуй, не газуй! — кричал Ваня. — Еще глубже гусеница уходит...

С трудом вытаскивая сапоги, Галя обошла машину. Добров выглянул из кабины.

— Назад, полегоньку, — спокойно скомандовала Галя.

— Вы бы сели в кабину, Галина Николаевна, — предложил Ваня, — а то вода зальет еще в голенища...

Галя улыбнулась.

— Берите лопату, Ваня.

Трещал мотор, крутились колеса, летели комья липкой грязи.

Забрызганные, измазанные, Галя и Ваня тщетно старались помочь мотору. Машина ушла в топь по самый кузов.

— Вот ведь какое дело, — сокрушенно говорил Добров, осматривая увязшие гусеницы, — а ведь когда-нибудь будут здесь асфальтовые дороги, непременно будут...

— Не вовремя о мостовых вспомнили, Кузьма Андреевич, — вздохнул Ваня.

Галя нахмурилась:

— Неужели придется ждать, когда подмерзнет? Мы не можем терять времени.

— А вот и вовремя о мостовых вспомнил, — резонно возразил Ване Добров и обернулся к Гале: — Вскроем верхний слой с бугра. До мерзлоты и полуметра не будет. Начнем мостить мерзлыми «кирпичами»...

Ваня покраснел и полез в кузов за ломом и второй лопатой.

— Галина Николаевна! Мы сами... Зачем вы лопату берете? — протестовал он.

Галя работала упорно, наравне с мужчинами.

На северном склоне бугра сняли оттаявший слой земли, докопались до вечной мерзлоты и, с трудом вырубая куски грунта, стали переносить их в вырытую гусеницами колею.

Через три часа Добров снова сел за руль, включил мотор. Кузов затрясся, машина дрогнула. Завертели колеса сначала в одну, потом в другую сторону. Полетели мерзлые комья. И вдруг что-то хряснуло, мотор завыл, как от боли. Колеса остановились.

Побледневший Добров выскочил из кабины. Лопатой прорыв себе ход, полез под кузов.

Галя и Ваня молча стояли, наблюдая за ним.

Весь мокрый, перепачканный, он наконец выбрался из-под кузова и поднялся на ноги.

— Так что, Галина Николаевна, — сказал он, — плохое дело... Карданный вал полетел... Теперь все.

Галя отвернулась, чтобы спутники не видели ее лица.

Положение казалось ей отчаянным. Что скажет она подчиненным, которые ждут ее решения? Во всем виновата она. Надо было возвращаться, как только рация выбыла из строя. Но это значило бы на год отложить завершение поисковых работ. Имела ли она право

рисковать? Но разве это был уж такой большой риск? Разве на фронте они посчитали бы такую поездку за риск? На фронте они и пешком...

Галя быстро повернулась к Доброву.

— Как вы думаете, Кузьма Андреевич, — спросила она спокойным голосом, — сколько километров осталось до базы?

Добров не смел смотреть в глаза начальнику.

— Больше двухсот, Галина Николаевна, — сказал он, понуря голову.

— Ваня, готовьте продукты в дорогу. Пойдем пешком, — решительно заявила Галя.

— Пешком? — оторопело переспросил Ваня.

Они пошли.

Застрявшая машина с крытым кузовом, беспомощно накренившаяся, долго была видна путникам.

Ваня часто оглядывался. Галя не оглянулась ни разу. Она шла первой. У нее был такой же рюкзак, как и у мужчин.

Поникший Добров шагал за ней.

Идти было трудно. Обманчивый зеленый ковер местами был непроходим. Бесконечные речушки, озерки и болотца встречались на пути.

Галя неумоимо шла вперед. У нее был мужской, упругий шаг. Высокая, в ватных штанах, она походила на тонкого юношу.

Привалы были короткими. Отдыхали на вершинах бугров, где было не так сыро.

На следующий день солнце скрылось. По небу поползли размочаленные тучи. Тундра стала серой.

Путники не останавливаясь шли вперед.

Повалил снег. Он таял на земле, но порошил глаза, заползал за ворот. Поднялся сильный ветер.

«Больше двухсот километров! — с ужасом думала Галя. — За первые сутки мы едва прошли пятнадцать. Ведь все время приходилось

вытаскивать увязшие ноги. Что ждет нас впереди? Труднее всего держать себя в руках, подавать пример. Хватит ли у меня сил?

Главное, чтобы шаг был спокойным, уверенным. Не показывать усталости!..»

Вдруг Галя радостно вскрикнула. Обернувшись к спутникам, она указала рукой на ближайшую грядку.

Олень!

Животное стояло, как бы всматриваясь в приближающихся людей. Через мгновение оно помчалось вниз по склону. На гряде появлялись все новые и новые олени и скатывались следом за первым. Они мчались вскачь, а их рога, параллельные земле, словно плыли над ней.

Оленья стадо! Близко люди!

Путники прибавили шаг. Олени проносились мимо них. Это были небольшие животные, ростом едва по грудь человеку.

Галя остановилась.

— Нарты! — крикнул Ваня.

С гряды быстро спускалась оленья упряжка — шесть оленей веером. Сидевший на нартах ненец правил длинным шестом.

Путники замахали руками. Нарты остановились. Ненец в оленьей кухлянке сошел на землю.

— Очень здравствуй, — сказал он, обращаясь к Доброву. — Почему пешком тундра ходить?

Узкие глаза на морщинистом лице приветливо щурились.

— Машина поломалась, — ответил Добров.

— Ай-ай-ай! — закачал головой ненец. — Плохой дела... Поедем наш чум. Угощать будем. Скажи жена, пусть мешок кладет.

— Это не жена, — сказал Добров. — Это начальник.

— Начальник? — удивился ненец, недоверчиво оглядывая Галину Николаевну.

Оленям трудно было везти четверых. Старый ненец решил идти пешком и передал длинный шест Доброву. Тот отрицательно покачал головой.

— Рулевое управление не по мне.

— Я умею, — сказала Галя. — Давайте сюда хорей.

Ненец взглянул на нее с уважением.

Через час путники сидели в чуме у председателя оленеводческого колхоза.

— Ай-ай-ай! — сокрушенно качал головой старик, слушая гостей.

— Радио поломал, машина поломал...

— Мы очень просим, — говорила Галя, — доставить нас до ближайшего места, где есть радио. Мы дадим о себе знать, вызовем помощь...

— Ай-ай-ай! Очень много километров... Однако ваш радио совсем плохой?

— Совсем плохой, — подтвердил Ваня. — Вот я — радист, а ничего поправить не мог.

— Ты поправить не мог? — переспросил старик.

Откинув меховой полог чума, вошла женщина. Старик засуетился.

— Оленя резал, — говорил он. — Мясо кушать будем. Сырой мясо будешь кушать?

Обратившись к женщине, старик сказал ей несколько слов и пояснил гостям: сейчас она один нужный человек звать будет.

— Позвольте мне сварить оленину, — попросила Галя. — Я очень хорошо умею готовить.

— Зачем портить хороший мясо? Как хочешь... Ты мой гость, — пожал плечами старик.

Галина Николаевна вышла следом за женщиной.

— Не жена? — недоверчиво переспросил старик. — Один женщина тундра ходит... Начальник? Почему стряпать хочет?..

В чум входили все новые и новые ненцы. Здравовались с гостями за руку и садились подле них на разостланные олени шкуры. Все пришедшие, несмотря на теплую погоду, сидели в меховых кухлянках. Только один был в солдатской шинели. Верно, недавно вернулся из армии.

Галина Николаевна принесла вареную оленину. Началось угощение. Из уважения к гостям ненцы ели приготовленное Галей кушанье.

— Мы не так кушаем, — объяснял старик. — Вареный мясо — порченный. Мы вот так кушаем.

Достав острый нож, он взял кусок сырой оленины, поднес его ко рту и, схватив зубами, отрезал ножом кусок у самых губ.

— У нас нет овощей и витаминов, — сказал ненец в шинели. — Сырое мясо предохраняет наш народ от цинги.

Ваня удивленно смотрел на говорившего.

— Это правда, — подтвердила Галя. — Мне пришлось однажды проверить это на себе. Я поборол цингу сырым мясом.

Старик одобрительно посмотрел на Галю.

— Хорей в руке держишь... тундра ходишь... мясо понимаешь... настоящий человек...

Галя посадила к себе на колени маленького мальчонку с блестящими, как бусинки, глазами и черными жесткими волосами.

— Почему я не вижу у вас ребят постарше? — спросила она.

— Школа уехал, — ответил старик.

— У нас в тундре теперь организованы школы с интернатами. Ребята уже съезжаются, — пояснил ненец в шинели.

— Вылка там учить будет, — старик указал на говорившего.

Вылка смутился:

— Я еще не знаю. Не решил, где буду работать.

— После армии? — спросила Галя.

— Да, после армии.

— Шесть лет дома не был. Отец ушел, брат ушел, — заметил старик.

— Куда ушли?

— Отец — исполком председатель. Брат картинки рисует.

— Мой брат художник и резчик по кости, — пояснил Вылка.

— Я думал, ты жена, — снова обратился к Гале старик. — Раньше тундра русский женщина не ходил. Купец ездил без жена. Приедет в стойбище. Кушает, пьет, торгует... Потом жена давай!

— Правда, что у вас такой обычай был — давать гостю жен? — спросил Добров.

— Не было такого обычая! — горячо возразил Вылка. — Это купцы пустили легенду. Они заставляли бедных людей отдавать им своих жен и клеветали, что такой обычай...

— Купца нет... — сказал старик, — богатеи-оленовод больше нет... колхоз есть... олени общий, а жена у каждого ненца свой... Вот так теперь живем...

— А мы хотели просить у вас помощи, — обратилась ко всем присутствующим Галя. — Нам нужно дать знать о себе по радио. Скажите, какой самый ближний пункт, где есть рация?

— Далеко, ой, далеко будет! — закачал головой старик. — Оленям долго бежать придется... Шибко далеко, однако...

— Я думаю, что самый ближний пункт — это ваш вездеход, где осталась рация, — неожиданно сказал Вылка.

— Так ведь рация испорчена! — вырвалось у Вани.

— Я тоже так думал. Вездеход близко, полярная станция далеко... Я Вылку просил... — указал старик на демобилизованного.

— Ты, что ж... проводить нас сможешь? — спросил Вылку Добров.

Вылка, коренастый, неторопливый в словах и движениях, переждал минуту, а потом сказал:

— Провожу вас... постараюсь помочь... Провожу до вездехода.

— До вездехода? Вы что, смеетесь? — вскричал Ваня.

Галя успокаивающе подняла руку.

Через тундру один за другим шли четыре крытых вездехода. Каждый шел своей дорогой, вернее без дороги, оставляя за собой мокрую колею.

Длинные тени машин ползли по земле, забираясь на пологие бугры.

Тундра походила на зеленое море, то вскидывающее автомашину на гребень волны, то опускающее ее в болотистую низину.

На очередной гряде с первого вездехода заметили далекую накренившуюся машину с крытым верхом.

— Наконец-то! Это они! — воскликнул начальник партии, сидевший в первой машине.

Навстречу вездеходам мчались олени нарты.

Галя правила хореом.

Вездеход и олени встретились в низине. Галя соскочила на мокрую траву, подбежала к автомашине и крепко, по-мужски, пожала протянутую из кабины руку.

У накренившегося вездехода стояли Добров, смущенный Ваня и ненец Вылка в солдатской распахнутой шинели. На гимнастерке виднелась колодка орденов.

— Здравствуйте, товарищ Вылка! — первым поздоровался с ним начальник партии. — Спасибо, что выручили наших.

Вылка улыбнулся:

— Не за что, товарищ начальник. Один конденсатор пробило, другой утечку давал. Я только немного изменил схему. Вот рация и заработала.

— Спасибо, Вылка! — сказала Галя. — Я благодарю вас уже, наверное, в тысячный раз. — Галя неожиданно обняла и поцеловала ненца. — Подумайте только, Георгий Ильич, — обратилась она к начальнику партии. — Кто мог ожидать, что в стойбище мы найдем такого радиста!

— Армейский радист! — многозначительно заметил начальник партии. — А на вас уже покушаются, — повернулся он к Вылке, — зовут работать на ближайший радицентр.

— Спасибо, — с достоинством ответил Вылка. Он стоял перед приехавшими спокойный, коренастый, неторопливый. — Спасибо. Может

быть, я подожду. Я хочу, чтобы в каждом стойбище, в каждом чуме было радио. Это непременно надо сделать.

— Будет сделано... многое будет сделано! Вы свяжитесь со всеми, кто из армии вернулся, — посоветовал начальник.

Ване наконец удалось отвести начальника партии в сторону.

— Я на курсы попрошусь... — горячо, но шепотом говорил он. — А потом на зимовку... на самую дальнюю зимовку! Я теперь понял, каким должен быть полярный радист, — и он посмотрел на ненца в солдатской шинели.